

СПЕЦИФИКА ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ АЛКОГОЛЬНО-ЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ

THE SPECIFIC FEATURES OF CHARACTER PROFILE OF THE PERSONALITY WITH ALCOHOL DEPENDENCY

S. Petrosyan
I. Makarevskaya
Z. Ryabikina

Summary. The article describes the character profile of personality with formed alcohol dependency. The profile has been configured on the basis of the data obtained with the help of the author's dispositional reactions questionnaire. In the present article, we provide the comparison between the character profile of the personality of an addict and the personality of individuals that do not suffer from alcohol abuse. Differences in the profiles are analyzed from the viewpoint of specific features and mechanisms of formation of particular positions in relationships, as mediators of alcohol dependency. Rational grounds are given to prove the statement that combination of certain manifested reaction positions forms a specific psychotype of personality prone to alcohol dependency.

The obtained data allow to establish a more comprehensive concept of the ways of formation and enforcement of the character of alcohol-dependent personality.

Keywords: alcohol dependency, dispositional reaction, personal character profile.

Петросьян Светлана Николаевна
К.псих.н., доцент, Сочинский государственный
университет
svpet@mail.ru

Макаревская Ирина Георгиевна
Ст. преподаватель, Сочинский государственный
университет
athoc@yandex.ru

Рябикина Зинаида Ивановна
Д.псих.н., профессор, Кубанский государственный
университет
z.ryabikina@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен характерологический профиль личности со сформированной зависимостью от алкоголя, составленный на основе данных авторского опросника диспозиционного реагирования. Приведено сопоставление характерологического профиля зависимой личности и личности, не злоупотребляющей алкоголем. Проанализированы различия в профилях с точки зрения особенностей и закономерностей формирования определенных позиций в отношениях, как медиаторов алкогольной зависимости. Обосновывается положение о том, что сочетание определенных позиций реагирования в их выраженности составляет специфический психотип личности, склонной к алкогольной зависимости.

Полученные данные позволяют составить более объемное представление о путях формирования и реализации характера личности с зависимостью от алкоголя.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, диспозиционное реагирование, характерологический профиль личности.

Введение

На сегодняшний день употребление алкоголя становится все более массовым явлением. По данным ВОЗ 2018 г. во всем мире в результате вредного употребления алкоголя ежегодно происходит 3,3 миллиона смертей, что составляет 5,3% всех случаев смерти. Помимо последствий для здоровья вредное употребление алкоголя наносит значительный социальный и экономический ущерб отдельным людям и обществу в целом. В этом контексте психологические исследования, посвященные проблеме алкоголизма, становятся все более актуальными [39].

Изучение психологических медиаторов возникновения алкогольной зависимости, в целом, можно свести к двум направлениям: 1) поиск «личности» алкоголика, 2) изучение характерных личностных черт алкоголика [34].

Первое направление сфокусировано на идее о том, что личность алкоголика отличается от личности неалкоголика, и изначально опиралось на идеологию психотерапии алкоголизма, лежащую в основе многочисленных организаций типа Ассоциации анонимных алкоголиков. Но к 1960 гг., в силу недостаточности теоретической базы, такие исследования зашли в тупик, и влияние персонологических концепций алкоголизма снизилось вплоть до 1980 гг., когда открытия в области биологии и генетики позволили вновь сделать допущение о существовании некоей первичной патологии личности алкоголика [14, 19, 23, 34, 28].

Второе направление появилось под сильным влиянием бихевиоризма, и основывалось на мысли о том, если невозможно выявить целостные характеристики личности алкоголика, все же различия стоит найти, но тогда уже в каких-то отдельных значимых характеристиках личности и ее поведения [34].

Поначалу такие исследования также зашли в тупик, обрисованный Келлером (1972), который отмечал, что «исследование какой-либо черты в алкоголиках покажет, что у них ее больше или меньше (чем в неалкоголиках)», и пришел к заключению, что алкоголики «отличаются в таком многообразии проявлений, что уже нет никакой разницы» [25].

Тем не менее, к 2000 г. накопились исследования, наглядно демонстрирующие у лиц с алкогольной зависимостью более высокие показатели по трем глобальным критериям личности: (1) импульсивность/расторженность, (2) нейротизм/негативная эмоциональность, (3) экстраверсия/зависимость от поощрения. Эти критерии чаще всего измерялись с помощью личностного опросника Айзенка (EPQ) [18] и трехфакторного личностного опросника Клонингера (TPQ) [15].

Критерий (1) «импульсивность/расторженность» включает в себя такие черты как поиск острых ощущений, агрессивность, импульсивность и психотизм [11, 33, 34]. Кроме того, по данным ряда исследований, импульсивность, антисоциальное поведение, поведенческие расстройства и гиперактивность в детстве и подростковом возрасте предположительно являются достоверными предпосылками будущей алкогольной зависимости [16, 29, 33, 40]. Также, наблюдается высокий процент сопутствия алкоголизму расстройств личности с нарушением импульс-контроля, таких как антисоциальное и пограничное расстройство личности [11, 33, 34, 36].

Критерий (2) «нейротизм/негативная аффективность» описывает тенденцию испытывать состояния психологического стресса и негативно окрашенного настроения [33, 34]. Данные исследований указывают на то, что у пациентов с алкогольной зависимостью часто наблюдаются симптомы депрессивного или тревожного спектра. Следовательно, сделано предположение о том, что употребление алкоголя может являться попыткой саморегуляции таких симптомов стресса, как тревожность, страх или депрессивные чувства [33, 37].

Критерий (3) «экстраверсия/зависимость от поощрения» по мнению одних исследователей, не является решающим [33, 34], в то время как в исследованиях других ученых [21] приводятся данные, показывающие значимую связь данного критерия с возникновением алкогольной зависимости, но в сочетании с двумя предыдущими критериями.

С конца прошлого века, в исследованиях алкогольно-зависимой личности большую популярность приобрела пятифакторная модель личности [32]. Пять центральных факторов личности в данной модели, это — экстраверсия, доброжелательность, сознатель-

ность, нейротизм и открытость опыту. Многовариантность сочетания факторов этой модели позволяет достаточно системно описать личность в ее различных модификациях. К тому же, другие элементы личности, как правило, имеют высокую корреляцию с одним или более из этих пяти факторов. Например, расторможенность и импульсивность (один из критериев алкогольно-зависимой личности) имеют отрицательную корреляцию с сознательностью [29, 27].

В контексте пятифакторной модели личности выполнены многочисленные исследования проблемы алкогольной зависимости. Данные мета-анализов показывают, что в больших количествах алкоголь употребляется лицами с низкой сознательностью, низкой доброжелательностью и высоким нейротизмом [21, 22, 26, 30]. В то время, как отказ от алкоголя ассоциируется с высокой доброжелательностью и низкой открытостью опыту [21, 38].

И хотя Пятифакторная модель признается наиболее всеохватывающей концептуализацией структуры личности [24, 30], она не дает ответа на вопрос о происхождении подобных личностных характеристик, и следовательно, о путях возможной психологической поддержки и помощи лицам, страдающим алкогольной зависимостью.

В России исследования алкоголизма ведутся, преимущественно, в области социально-психологической и медицинской сфер. Так, в исследовании Э. С. Шарафиева (2016) показано, что отношения алкоголезависимых с окружением детерминированы амбивалентными тенденциями: выраженной симбиотической потребностью и асоциальными установками и поведением. При этом, подобная диспозиция, по мнению автора является ключевой в понимании механизмов глубокого внутреннего конфликта, лежащего в основе отношений алкоголиков с социумом [10].

В психологических исследованиях, посвященных данной проблеме, алкоголизм рассматривается, преимущественно, как вид аддиктивного поведения, при этом подчеркивается, что прием алкоголя дает аддиктам возможность ухода от реальности, а также иллюзию восстановления равновесия в жизни, иллюзию безопасности (например, исследования А. Е. Войкунского [2]).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что многочисленные исследования алкогольной зависимости указывают на факт формирования предпосылок такой зависимости в детском возрасте, влияние личностных черт на степень расстройств, связанных с употреблением алкоголя, и возможность наличия некоего личностного психотипа, обозначенного как «личность

алкоголика», влияющего на риск возникновения алкогольной зависимости, поиск которого продолжается и в настоящее время.

Одним из кризисных моментов развития современной психологии является разрыв между теоретической и практической психологией. Такой разрыв наиболее наглядно проявляется в области практической психологии и психотерапии, которая, начиная с З. Фрейда, традиционно, не несет в себе строго научной доказательной базы. И хотя самые захватывающие открытия в психологии XX века сделаны как раз в области психотерапии (З. Фрейд, Ф. Перлз, А. Минделл и др.), такие открытия, в их совокупности, достаточно хаотичны, так как не несут в себе общих оснований, позволяющих объединить многообразный опыт наблюдений феноменологии проявлений человеческой психики. Данный факт отразился, в том числе, в проблеме поиска «личности алкоголика».

Субъектно-бытийный подход к личности (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, З.И. Рябикина и др.) позволяет трактовать развитие ребенка как расширение личностной бытийности, что, в свою очередь, дает основание для описания стадий развития личности в контексте поэтапного становления системы отношения в со-бытийных диадах Я — Мир, Я — Ты (Другой), Я — Они (Другие) и соответствующих позиционных дихотомиях: «Базовая агрессия — Базовый страх», «Равнодушие — Ненужность», «Жестокость (вторжение) — Инфантилизм (беззащитность)», «Власть — Подчинение», «Контроль — Подконтрольность», «Обвинение — Вина», «Осуждение — Подсудность», «Могущество — Немощность».

Развитие личности через отношения в дихотомиях регулируются переживаниями опасности/безопасности среды, где на каждом возрастном этапе развития соответствующий сильный полюс диспозиции может переживаться в качестве внешней угрозы во взаимодействии или отношениях.

Логика выделения со-бытийных дихотомий связана с основными задачами возрастного развития и отражает логику поэтапного становления личности.

Важно отметить, что на сигнал опасности/безопасности среды индивид отвечает диспозиционной реакцией. То есть, оба полюса реагирования присутствуют в индивидуальном психическом поле как взаимодополняющая целостность, где, как правило, с одним полюсом личность идентифицируется, другой — проецирует вовне.

Со-бытийная позиционная дихотомия «Базовая агрессия — Базовый страх» появляется в первичной

системе реагирования организма на угрозу в пренатальном периоде развития, обслуживает базовую потребность в выживании, проявляясь в переживаниях (в терминологии Фрица Римана) архаичной агрессии и страха, и реакциях сжатия/отталкивания (диада Я — Мир). В исследованиях зарубежных коллег подобная первичная направленность личности описывается в терминах «базового доверия/недоверия к миру». Такая первичная «ориентировочная» реакция является надличностной, представляя собой «элементарное импульсивное инстинктивное действие [7]. Данную диспозицию можно классифицировать как пре-диспозицию, так как она в качестве первичной пра-системы реагирования на угрозу может существенно повлиять на дальнейшее формирование системы отношений в со-бытийной диаде как предпочтительный выбор определенных позиций реагирования и степень их выраженности.

Период досознательного развития личности (пренатальный и перинатальный) характеризуется отношениями слияния, где мать для ребенка представляет собой его вселенную (диада Я — Мир, со-бытийная дихотомия Равнодушие — Ненужность) [6], и связан с формированием способности к взаимосвязи.

Период первичной сепарации от матери связан с формированием границ личности и способности к независимости и самостоятельности. Возрастная психология связывает этот период с кризисом одного года. Здесь начинается развитие в диаде Я — Ты (дихотомия Жестокость (вторжение) — Инфантилизм (беззащитность)).

Дальнейшее развитие в диаде Я — Ты связано с развитием воли (3–6 лет, дихотомии Власть — Подчинение) и произвольности, (Контроль — Подконтрольность) [6], что служит базовым образованием для возможности сознательного управления своими действиями в соответствии с принятым решением.

Следующий этап возрастного развития характеризуется подготовкой к вхождению в социум (к отношениям в социальной диаде Я — Они), и связан с формированием морально-нравственного сознания, как регулятора отношений в социальной сфере (дихотомии Обвинение — Вина, Осуждение — Подсудность). Причем, если дихотомия Обвинение — Вина связана, преимущественно, с эмоциональным реагированием, — дихотомия Осуждение — Подсудность отражает тенденцию к рационализации этого конструкта, которая проявляется в способности строить суждение, и соответственно, ориентироваться в сфере социальных норм и правил.

Итогом возрастного развития становится формирование системы связей и отношений, которая определяет возможность, или, соответственно, невозможность са-

морализации в социуме (дихотомия Могущество — Немощность).

В процессе осваивания позиций в отношениях, личность может занимать сильную или слабую позицию реагирования, причем слабая позиция реагирования является, преимущественно воспринимающей и отражает, словами С.Л. Рубинштейна, ситуацию Мир во мне. («Восприятие надо рассматривать как взаимодействие человека, реального материального существа с действительным, т.е. воздействующим на него миром» [8]). Соответственно, сильная позиция реагирования, отражает ситуацию «Я в Мире» и является преимущественно экспансивной, воздействующей.

Устойчивая позиция реагирования, оформившаяся и закрепившаяся во взаимодействии со-бытийной диады (например, Мать — Дитя), в дальнейшем трансформируется в характерологический признак личности.

Выявление базовых позиций в отношениях, формирующихся онтогенетически, которые становятся встроенными в структуру личности, и составляют паттерны ее эмоционально-поведенческого реагирования, дает возможность не только составить целостное представление о характере личности, закономерностях его формирования, но и прогнозировать линию поведения конкретного человека в тех или иных жизненных условиях и ситуациях.

О формировании характера как комплекса устойчивых моделей реагирования говорили такие отечественные и зарубежные исследователи, как Л.И. Выготский, Ф. Перлз, Э. Берн и др. Позднее были разработаны периодизации возрастного развития, учитывающие особенности формирования тех или иных сторон характера, в основу которых был положен принцип дуальности (самые известные из них — периодизации Э. Эриксона [17] и Л. Марчер [31]).

Наш подход отличается от предложенных ранее тем, что диспозиционное реагирование в со-бытийной диаде рассматривается как взаимообусловленное, взаимно-обратимое, и носит диалектический характер [5]. То есть, полюса диспозиции полярны, они как бы отрицают друг друга, но одновременно друг без друга не существуют. В классической диалектике Гегеля данный принцип звучит как принцип единства и борьбы противоположностей. Такой подход позволяет рассматривать противоречие (диспозицию) как базовое имманентное свойство психики индивида, организующее не только систему ее выборов, но, в силу возможности интеграции полюсов диспозиции в новое личностное качество, — и ее развитие, переход на качественно новый уровень организации.

Например, интеграция полюсов диспозиции «Жестокость» (Вторжение, нападение, нарушение границ) — «Инфантилизм» (Открытость границ, готовность к слиянию) приводит к образованию гибких границ личности и способности эти границы защищать.

Психологический портрет личности, составленный благодаря сопоставлению профилей диспозиционного реагирования обычных людей и лиц с зависимостью от алкоголя, позволяет выделить выраженные позиции реагирования для лиц с зависимостью от алкоголя в качестве конкретных личностных черт, присущих последним, что создает возможность более глубокого анализа как путей формирования характера личности, в том числе, патологического, так и особенностей его проявления и реализации.

Цель исследования

Выявить характерологические особенности алкогольно-зависимой личности с учетом выраженности полюсов диспозиционного реагирования.

Были поставлены следующие задачи исследования:

- ◆ проанализировать особенности диспозиционного реагирования зависимой личности, сопоставив профили диспозиционного реагирования испытуемых со сформированной зависимостью от алкоголя и испытуемых, для которых не характерна такая зависимость.
- ◆ описать психологический портрет алкогольно-зависимого типа личности.

Методы исследования

В ходе исследования был использован авторский опросник для определения типа диспозиционного реагирования. Методика представляет собой многошкальный опросник, результаты которого могут быть представлены в виде индивидуального профиля диспозиционного реагирования.

В состав методики входят 227 вопросов, которые могут быть сгруппированы в шкалы, соответствующие со-бытийным позиционным дихотомиям: «Базовая агрессия — Базовый страх», «Равнодушие — Ненужность», «Жестокость — Инфантилизм», «Власть — Подчинение», «Контроль — Подконтрольность», «Обвинение — Вина», «Осуждение — Подсудность», «Могущество — Немощность». Также методика содержит две дополнительные шкалы, отражающие особенности реагирования личности на властную и контролирующую позиции: Саботирующее подчинение, Саботирующая подконтрольность.

Таблица 1. [Описательные статистики по шкалам опросника, полученные в экспериментальной и контрольной группе]

Активный полюс позиционной дихотомии	Эксперим. группа		Контрол. группа		Пассивный полюс позиционной дихотомии	Эксперим. группа		Контрол. группа	
	X ср	σ	X ср	σ		X ср	σ	X ср	σ
Базовая агрессия	15,3	8,1	12,9	7,7	Базовый страх	14,5	9,4	7,4	5,2
Равнодушие	24,1	8,1	24,8	8,9	Ненужность	20,3	12,2	10,6	8,5
Жестокость	24,1	10,3	17,9	9,7	Инфантилизм	35,3	8,8	26,9	9,9
Власть	26,0	8,4	21,0	8,2	Подчинение	19,8	5,6	12,5	6,1
					Саботирующее подчинение	20,5	9,9	17,4	8,4
Контроль	33,3	8,4	28,7	8,8	Подконтрольность	24,1	9,4	15,1	7,6
					Саботирующая подконтрольность	28,2	10,7	21,3	9,2
Обвинение	20,3	6,9	16,9	9,3	Вина	24,9	7,4	14,1	8,2
Осуждение	23,7	8,1	24,0	9,0	Подсудность	29,9	5,8	20,1	9,4
Могущество	35,8	8,9	35,3	9,3	Немощность	27,0	12,1	17,0	10,7

Проведенная валидизация методики продемонстрировала основные психометрические показатели надежности и валидности на достаточном уровне: внутренняя согласованность «альфа — Кронбаха» в целом по опроснику равна 0,93, ретестовая надежность — 0,85. Эмпирическая валидность отдельных шкал опросника колеблется в диапазоне от 0,7 до 0,83.

Дизайн проведенного исследования

На первом исследовательском этапе в соответствии с поставленными исследовательскими вопросами мы анализировали особенности диспозиционного реагирования людей со сформированной зависимостью от алкоголя. На этом этапе сопоставлялись результаты, полученные в «нормальной» выборке и группе испытуемых с аддиктивным поведением. Осуществлялось эмпирическое исследование, построенное по типу *expostfacto*. В качестве воздействия (позитивного значения независимой переменной) в данном случае выступила сформированная зависимость от алкоголя. Таким образом, в исследовании в качестве экспериментальной группы выступили находящиеся на лечении в реабилитационном центре мужчины и женщины с алкогольной зависимостью, в стадии ремиссии — 30 человек в возрасте от 20 до 45 лет. В контрольную группу вошли 30 мужчин и женщин в возрасте от 20 до 45 лет, не имеющие зависимости от психоактивных веществ. Подбор испытуемых в контрольную группу осуществлялся на основе метода попарного уравнивания, при этом уравнивались испытуемые на основе таких показателей, как: пол, возраст, образование, семейный и социальный статус.

Для обработки результатов исследования использовались: непараметрический критерий Манна-Уитни.

Результаты

Проанализируем особенности диспозиционного реагирования личности испытуемых с зависимым поведением.

Проведенный качественный анализ показал, что испытуемые с алкогольной зависимостью показывают большую выраженность в диспозиционных парах таких активных полюсов дихотомии, как Базовая агрессия, Равнодушие, Власть, Контроль, Могущество; и большую выраженность таких пассивных полюсов как Инфантилизм, Вина, Подсудность. Это свидетельствует о том, что при достаточной выраженности позиций реагирования, обеспечивающих реализацию в социуме (положительные стороны активных полюсов: Базовая агрессия обеспечивает активность, Равнодушие — возможность дистанцироваться, Власть и Контроль — возможность успешности волевых актов, Могущество — возможность выстраивать социальные контакты, продвигать свои идеи), личность с алкогольной зависимостью инфантильна, то есть, имеет слишком открытые личностные границы, что делает ее зависимой, внушаемой и уязвимой, а также испытывает груз вины, осуждения и самосуждения, препятствующий такой самореализации. Именно уязвимость личностных границ может создавать предпосылки для формирования позиций Вины и Подсудности, так как при «воспитательных» воздействиях родители и общество часто занимают не позицию сотрудничества и позитивного партнерства, но позиции Обвинения и Осуждения.

Полученные в контрольной и экспериментальной группе данные мы сопоставили с помощью критерия U-Манна-Уитни. Выявленные статистически значимые различия между показателями диспозиционного реа-

Таблица 2. [Статистическая значимость различий в показателях диспозиционного реагирования испытуемых экспериментальной и контрольной группы]

Полюса позиционной дихотомии	Mann-Whitney U	Asymp.Sig. (2-tailed)
Базовый страх	231.000	0.001
Ненужность	223.500	0.001
Жестокость	304.000	0.031
Инфантилизм	245.500	0.002
Власть	291.000	0.019
Подчинение	186.500	0.000
Подконтрольность	227.500	0.001
Саботирующая подконтрольность	286.500	0.016
Вина	144.000	0.000
Подсудность	163.500	0.000
Немощность	236.500	0.002

гирования испытуемых экспериментальной и контрольной группы представлены ниже в виде таблицы.

Проведенный статистический анализ позволяет нам утверждать, что испытуемым, для которых характерна зависимость от алкоголя, более свойственны, по сравнению с обычными людьми, проявления таких полюсов диспозиций, представленных в таблице выше, как: «Базовый страх», «Ненужность», «Жестокость», «Инфантилизм», «Власть», «Подчинение», «Подконтрольность», «Саботирующая подконтрольность», «Вина», «Подсудность» и «Немощность».

Таким образом, выраженность данных позиций реагирования составляют профиль диспозиционного реагирования, характерный для лиц, страдающих алкогольной зависимостью.

Немного подробнее охарактеризуем каждую из выявленных характерных позиций реагирования:

Первичный тип со-бытийности — организмический.

Соответственно, со-бытийная позиционная дихотомия «Базовая агрессия — Базовый страх» появляется в первичной системе реагирования организма на угрозу, и обслуживает базовую способность к выживанию. Отечественные и зарубежные исследователи в данном случае говорят о пренатальном периоде развития и значимости пренатальных впечатлений ребенка для появления немотивированных негативных эмоциональных состояний у взрослого человека [1].

Другими словами, по степени выраженности полюсов первой диспозиции мы можем констатировать присутствие стресса, на фоне которого начиналось развитие организма. Память о таком стрессе в виде выраженности определенной позиции реагирования как готовности

к стрессовой реакции (базовый страх/базовая агрессия) остается в памяти индивида на архаическом, до-личностном уровне и именно поэтому во взрослой жизни практически не поддается сознательной регуляции.

Испытуемые со сформированной зависимостью от алкоголя показывают большую по сравнению с обычной выборкой выраженность позиции реагирования «Базовый страх», а следовательно, им более свойственны: страх смерти, носящий немотивированный характер, ощущение отсутствия «права на жизнь».

Следующий тип событийности характерен для отношений слияния/изоляция. Соответственно, со-бытийная позиционная дихотомия «Равнодушие — Ненужность» отражает пренатальную и постнатальную (до одного года) ситуацию развития, где равнодушие является сигналом отсутствия эмоциональной связи как заинтересованности в судьбе и благополучии ребенка. И поэтому равнодушие является вторым по эмоциональной значимости типом угрозы, которая может стать причиной гибели формирующегося организма ребенка, а также гибели ребенка младенческого возраста. Л. Марчер [31] в подобном случае говорит о нарушении взаимосвязи как способности переживать самих себя в отношениях с другими, Дж. Боулби — о нарушении формирования привязанности как качества отношений ребенка и взрослого [13].

Необходимо заметить, что позиция Равнодушия в экспериментальной и контрольной группах выражена примерно одинаково (24,1 и 24,8,— соответственно) и превалирует внутри дихотомии над позицией Ненужности. В экспериментальной группе выраженность позиции Равнодушия даже ниже, чем в контрольной. Однако выраженность позиции Ненужности в экспериментальной группе значимо превышает выраженность такой же позиции в контрольной группе (20,3 и 10,6,— соответ-

ственно), что отражает ее повышенную, по сравнению с обычным человеком, тенденцию к экзистенциальному переживанию одиночества. Такие переживания особенно сильны потому, что данная позиция реагирования осваивается в период, когда переживания носят надличностный характер.

Оформление личности через обретение ею границ происходит в следующий возрастной период, в отношениях первичной сепарации от матери. Данный тип отношений является переходным от Мы-отношений к отношениям в диаде Я-Ты.

Таким образом, в возрасте около года, ребенок впервые выходит на уровень самостоятельности, в том числе учится защищать себя сам — как от внешних воздействий, так и от собственных ошибок. Поэтому любые резкие ограничивающие действия со стороны взрослого, а также агрессивные воздействия среды воспринимаются как жесткие, и часто переживаются как жестокие [6].

Представляется логичным, что, не имея опыта переживания благополучного и устойчивого слияния с матерью на предыдущих возрастных этапах, личность не готова к адекватному освоению темы данного этапа возрастного развития — темы автономии [6].

И действительно, в диспозиционной дихотомии «Жестокость-Инфантилизм» у испытуемых с зависимостью от алкоголя более выражены, чем у людей без зависимости, оба полюса диспозиции (при значительном превалировании полюса Инфантилизма внутри дихотомии): с одной стороны, у зависимых людей чаще проявляется склонность к выражению агрессии, в том числе, физической; — с другой стороны, зависимые люди более инфантильны, не способны быть самостоятельными и нуждаются в опеке. То есть, алкогольно-зависимые люди не способны к отстаиванию собственных психологических границ, хотя, одновременно, склонны к вторжению в границы другого.

Развитие в системе Я — Ты отношений продолжается как осваивание позиций в отношениях власти/сотрудничества. Таким образом, четвертая и пятая со-бытийные дихотомии, — «Власть — Подчинение», «Контроль — Подконтрольность», — связаны с возрастным этапом эмоционально-волевого развития личности ребенка [6], начинающимся с кризиса 3-х летнего возраста, по Выготскому — с кризиса «волеизъявления».

В позиционной дихотомии «Власть-Подчинение» у людей с алкогольной зависимостью также более выражены оба полюса диспозиции, чем у людей без зависимости: с одной стороны, им характерно стремление

к власти и доминированию, с другой — склонность к подчинению, что отражает специфику созависимого поведения.

Более выражена у людей с зависимостью, чем для испытуемых из «нормальной» выборки, позиция «Саботирование контроля», что показывает большую степень наличия такого характерологического свойства, как недостаток ответственности, с одной стороны, и нежелание подчиняться внешним воздействиям, с другой стороны.

В дошкольном возрасте (3–7 лет) также активно формируется и развивается нравственное сознание как основная ценностная форма общественного сознания, в которой находят отражения общепринятые нормативы и оценки человеческой деятельности (Выготский Л. С., Колберг и др.).

Личность в этом возрасте осваивает позиции в отношениях, которые будут в дальнейшем служить морально-нравственными регуляторами межличностного и социального поведения. Со-бытийные позиционные дихотомии «Обвинение — Вина», «Осуждение — Подсудность» являются образованиями, характерными для подготовки личности к вхождению в социум [6].

У людей с зависимостью от алкоголя, по данным нашего исследования, более выражены такие полюса диспозиции, как «Вина» и «Подсудность», что говорит о том, что они часто чувствуют себя виноватыми как бы «априори» и, как следствие, у них может исчезать импульс к развитию, так как они считают, что все равно сделают все не так. О связи алкогольной зависимости с чувством вины, в частности, писал Potter-Efron R. Shame (2002) [35].

Вина, таким образом, парализует, препятствует возможности двигаться вперед, актуализирует у людей с зависимостью установку: «Я плохой, и не заслуживаю хорошего», человек при этом тратит время и ресурс на самообвинение.

Логичным при этом становится большая выраженность у людей с зависимостью позиции «Немощности», которая выражается в ощущении «отсутствия ресурса», неспособности что-то поменять в своей жизни, субъективном ощущении «отсутствия контроля над жизнью» и поиске ресурса, помощи и поддержки вовне — в другом человеке.

Еще раз отметим, что диспозиция «Могущество — Немощность» является «результатом» прохождения всех предыдущих этапов возрастного развития и отражает возможность, или, соответственно, невозможность самореализации в социуме.

Совокупный анализ выраженности позиций диспозиционного реагирования позволяет дать следующую характеристику для людей со сформированной зависимостью от алкоголя:

- ◆ для них в большей степени, нежели для «среднестатистического человека» характерны: страх смерти, носящий немотивированный характер, ощущение отсутствия «права на жизнь», экзистенциальное переживание одиночества и ненужности.
- ◆ у таких людей чаще проявляется склонность к физическому выражению агрессии, с другой стороны, зависимые люди более инфантильны, не способны быть самостоятельными и нуждаются в опеке, не способны к отстаиванию собственных психологических границ, хотя одновременно, склонны к вторжению в границы другого.
- ◆ алкогольно-зависимые люди, с одной стороны, стремятся к власти и доминированию, с другой — проявляют склонность к подчинению, что отражает специфику созависимого поведения. По сравнению с общей выборкой, они показывают большую степень наличия такого характерологического свойства, как недостаток ответственности с одной стороны, и нежелание подчиняться внешним воздействиям, с другой стороны.
- ◆ люди с зависимостью от алкоголя часто чувствуют себя виноватыми как бы «априори» и, как следствие, у них может исчезать импульс к развитию, так как они считают, что все равно сделают все не так. Вина, таким образом, парализует, препятствует возможности двигаться вперед, актуализирует у людей с зависимостью установку: «Я плохой, и не заслуживаю хорошего», человек при этом тратит время и ресурс на самообвинение.

Логичным при этом становится большая выраженность у алкогольно-зависимых людей по сравнению с контрольной группой, позиция «Немощности», которая выражается в ощущении «отсутствия ресурса», неспособности что-то поменять в своей жизни, субъективном ощущении «отсутствия контроля над жизнью» и поиске ресурса, помощи и поддержки вовне — в другом человеке.

По данным, представленным в таблице, легко заметить, что выраженность диспозиционного реагирования у лиц с зависимостью от алкоголя значительно выше, чем у обычных людей, что свидетельствует о большем эмоциональном напряжении такой личности.

Значительная выраженность позиции Базового страха по сравнению с обычной выборкой, позволяет предположить, что выраженность именно данной позиции

может служить ключевым фактором для формирования алкогольно-зависимого типа личности, так как реакции страха, физиологически сопровождающиеся реакцией сжатия, могут создавать потребность в употреблении веществ, способных расслабить тело и снять остроту такой реакции в плане как физиологии, так и психики. Предположительно, выраженность позиции Базового страха предопределяет большую выраженность позиции Ненужности и формирует позицию Инфантилизма, как подсознательное стремление к слиянию в поисках защиты.

При этом, скорее всего, алкогольно-зависимый тип личности формируется в условиях авторитарного воспитания. Об этом свидетельствует значительная выраженность позиций Вины и Подсудности. Это, возможно, второй по значимости фактор, создающий предпосылки злоупотребления алкоголем.

В целом, людей с зависимостью от алкоголя можно охарактеризовать как более импульсивных (выраженность позиций Базовой агрессии и Базового страха), конфликтных (выраженность позиций Жестокости, Власти и Контроля), уязвимых (выраженность позиции Инфантилизма), безответственных (выраженность позиций Инфантилизма и Немощности), социально неадаптивных (выраженность позиций Саботирующей подконтрольности и Немощности) и эмоционально напряженных (большая выраженность полюсов диспозиционного реагирования в целом).

Таким образом, проведенное нами исследование позволило описать профиль диспозиционного реагирования людей со сформированной зависимостью от алкоголя, отражающий характерологические особенности алкогольно-зависимой личности.

Основными выводами исследования являются следующие положения:

1. Испытуемые с алкогольной зависимостью показывают доминирующую выраженность (внутри своей группы) активных полюсов диспозиции: Власть (26,0), Контроль (33,0), Могущество (35,8). При этом из пассивных позиций реагирования доминируют Инфантилизм (35,3), Саботирующая подконтрольность (28,2), Подсудность (29,9), Немощность (27,0). Статистическую значимость различий показывают позиции Власти, Инфантилизма, Подсудности, Немощности. Из них доминируют в порядке убывания Инфантилизм (35,3), Подсудность (29,9), Саботирующая подконтрольность (28,2), Немощность (27,0).

Таким образом, наиболее характерным для алкогольно-зависимого типа личности будет именно данный

профиль диспозиционного реагирования: при выраженности полюсов реагирования, обеспечивающих реализацию в социуме (Власть, Контроль, Могущество), алкогольно-зависимая личность демонстрирует выраженность пассивных полюсов диспозиции (Инфантилизм, Саботирующая подконтрольность, Подсудность, Нemoщность) препятствующих такой реализации. То есть, несет в себе значимый внутриличностный конфликт.

2. По общей напряженности диспозиции (суммирование показателей выраженности дихотомии) в группе алкогольно-зависимых лиц выделяются шкалы «Вторжение / Инфантилизм», «Контроль / Саботирующая подконтрольность», «Могущество / Нemoщность», — что может говорить о личности алкоголика как об инфантильно-агрессивной, сопротивляющейся (неуправляемой) и болезненно переживающей отсутствие социальной само-реализации.

Таким образом, мы выполнили поставленные задачи и достигли цели исследования, заключающейся в выявлении характерологических особенностей алкогольно-зависимой личности с учетом типа ее диспозиционного реагирования.

Обсуждение/дискуссия

Для уточнения результатов исследования представляется необходимым провести его на большем количестве испытуемых.

Также, интересно было бы провести отдельный опрос алкогольно-зависимых лиц по типам, выделенным Р.Клонингером и Т.Бабором — типу А (пассивному) и В (агрессивному) [12, 15]. Так как известно, что

«агрессивные» алкоголики не признают себя таковыми и не любят лечиться, то скорее всего, в нашем исследовании они либо не принимали участие совсем, либо их участие было минимальным; и, возможно, их характерологический профиль будет другим, — как минимум, различия должны наблюдаться в первой диспозиции. Так, мы предполагаем, что выраженность базовой агрессии у «агрессивного алкоголика» будет значимо превышать среднестатистический уровень и превышать индивидуальную выраженность позиции базового страха.

Тем не менее, основываясь на полученных в исследовании данных, мы считаем, что при проектировании коррекционных и реабилитационных мероприятий для лиц со сформированной зависимостью от алкоголя, необходимо учитывать специфику диспозиционного реагирования такой личности, представляющей ее систему отношений с миром.

Результаты исследования позволят более системно подойти к вопросам формирования и проявлений характера алкогольно-зависимой личности, как устойчивой модели эмоционально-поведенческого реагирования, оформившейся в онтогенезе.

Сведения об авторах

Концепция исследования разработана С.Н. Петросьян при консультировании З.И. Рябикиной. Схема проведения исследования составлена С.Н. Петросьян и И.Г. Макаревной. Тестирование и сбор данных — С.Н. Петросьян и И.Г. Макаревной. Анализ и интерпретация данных — С.Н. Петросьян и И.Г. Макаревной. Итоговая версия рукописи одобрена всеми авторами для подачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брехман Г.И. (2008) Пренатальные (дородовые истоки немотивированного насилия / Вестник Ивановской медицинской академии. Т. 13, № 3–4.
2. Войскунский А.Е. (2011) Основные задачи психологии Интернета // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий: материалы межведомств. науч.-практ. конф., 24–25 февраля 2011 г. М: МГППУ, 2011. С. 166–171.
3. Выготский Л.С. (1984) Проблема возраста // Собрание сочинений в 6-ти т., Т. 4. Детская психология. М., «Педагогика».
4. Знаков В.В., Рябикина З. И. (2017) Психология человеческого бытия. М.: Смысл.
5. Петросьян С. Н. (2016) Диалектическая природа эмоционально-поведенческого реагирования в кризисной ситуации / Международный научно-исследовательский журнал Успехи современной науки, 4 (4), с. 41–49.
6. Петросьян С. Н., Рябикина З. И. (2018) Характерология личности с учетом типов онтогенетических со-бытийных дихотомий: субъектно-бытийный подход / Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 1715–1722.
7. Риман Ф. Основные формы страха Исследования в области глубинной психологии. / пер. с нем. Э.Л. Гушанского. — М.: Алетей, 1998.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. (1973) М.: Педагогика.
9. Рябикина З.И. (2005) Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: Материалы 3-ей Всероссийской научно-практической конференции. — Краснодар.
10. Шарафиев Э.С. (2016) Тerciарная социализация аддиктивной личности // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. № 2. С. 56–61.
11. Álvarez, A., Ávila, J. J., Palao, D. J., Montejo, A.L.: Influence of Personality Traits on the Severity of Alcohol Use Disorders: J. Clin. Med. 2018, 7(6), 127; <https://doi.org/10.3390/jcm7060127>

12. Babor T. F., Hofmann M., DelBoca F.K., Hesselbrock V., Meyer R. E., Dolinsky Z. S., et al. Types of alcoholics I. Evidence for an empirically derived typology based on indicators of vulnerability and severity. // Arch Gen Psychiatry, 1992; 49: 599–608. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6025520/>
13. Bowlby, J. (1988). Attachment, communication, and the therapeutic process. New York: Basic Books.
14. Cloninger, C.R., Bohman, M., Sigvardsson, S. Inheritance of alcohol abuse. Cross-fostering analysis of adopted men. Archives of General Psychiatry 1981; 38:861–868.
15. Cloninger, C.R. A systematic method for clinical description and classification of personality variants. Arch. Gen. Psychiatry 1987, 44, 573–588.
16. Diemen, L.von, Bassani, D.G., Fuchs, S.C., Szobot, C.M. and Pechansky, F.: Impulsivity, age of first alcohol use and substance use disorders among male adolescents: a population based case-control study. Addiction 103: 1198–1205, 2008.
17. Erikson, E.H. (1959) Identity and the life cycle: Selected papers. New York: International Universities Press.
18. Eysenck, H. J., & Eysenck, S. B. G. (1975). Manual of the Eysenck personality questionnaire. London: Hodder and Stoughton. Google Scholar.
19. Fromme, K. and D'Amico, E.J.: Neurobiological bases of alcohol's psychological effects. In: Psychological Theories of Drinking and Alcoholism. Leonard KE and Blane HT (eds.). Guilford Press, pp. 422–456, 1999.
20. Hair, P., & Hampson, S. E. (2006). The role of impulsivity in predicting maladaptive behaviour among female students. Personality and Individual Differences, 40, 943–952.
21. Hakulinen, C., Elovainio, M., Batty, G. D., Virtanen, M., Kivimäki, M., Jokela, M. Personality and alcohol consumption: Pooled analysis of 72,949 adults from eight cohort studies. Drug and Alcohol Dependence 151 (2015) 110–114.
22. Hicks, B.M., Durbin, C.E., Blonigen, D.M., Iacono, W.G., McGue, M., 2012. Relationship between personality change and the onset and course of alcohol dependence in young adulthood. Addiction 107, 540–548.
23. Hintz, T. and Mann, K.: Comorbidity in alcohol use disorders: focus on mood, anxiety and personality. In: Dual Diagnosis: The Evolving Conceptual Framework. Stohler R and Rossler W (eds.). Karger, pp. 65–92, 2005.
24. John, O.P., Naumann, L.P., Soto, C.J., 2008. Paradigm shift to the integrative big-five trait taxonomy: history, measurement, and conceptual issues. In: John, O.P., Robins, R.W., Pervin, L.A. (Eds.), Handbook of Personality: Theory and Research. Guilford Press, New York, pp. 114–158.
25. Keller, M. The oddities of alcoholics. Quarterly Journal of Studies on Alcohol 1972; 33:1147–1148.
26. Kotov, R., Gamez, W., Schmidt, F., Watson, D., 2010. Linking big personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: a meta-analysis. Psychol. Bull. 136, 768.
27. Krueger, R. F. Linking antisocial behavior, substance use, and personality: An integrative quantitative model of the adult externalizing spectrum. J. Abnorm. Psychol. 2007, 116, 645–666.
28. Leggio, L., Kenna, G.A., Fenton, M., Bonenfant, E. and Swift, R.M.: Typologies of alcohol dependence. From Jellinek to genetics and beyond. Neuropsychol Rev 19: 115–129, 2009.
29. Littlefield, A.K., Sher, K.J. and Wood, P.K.: Do changes in drinking motives mediate the relation between personality change and “maturing out” of problem drinking? J Abnorm Psychol 119: 93–105, 2010.
30. Malouff, J.M., Thorsteinsson, E.B., Rooke, S.E., Schutte, N.S., 2007. Alcohol involvement and the five-factor model of personality: a meta-analysis. J. Drug Educ. 37, 277–294.
31. Marcher, L., Fich, S. (2010) Body Encyclopedia: A Guide to the Psychological Functions of the Muscular System. Berkeley, CA, North Atlantic Books.
32. McCrae, R. R., & Costa, P. T., Jr. (1997). Personality trait structure as a human universal. American Psychologist, 52(5), 509–516.
33. Mellos, E., Liappas, I., Paparrigopoulos, T. Comorbidity of Personality Disorders with Alcohol Abuse. In Vivo. 2010 Sep–Oct; 24 (5): 761–9.
34. Mulder, R.T. (2002) Alcoholism and personality / Australian and New Zealand Journal of Psychiatry; 36:44–52. (Vol. 36, № 1. P. 44–52).
35. Potter-Efron, R. (2002) Shame, Guilt, And Alcoholism: 2nd (Second) edition Paperback — June 1.
36. Rubio, G., Jiménez, M., Rodríguez-Jiménez, R., Martínez, I., Iribarren, M.M., Jiménez-Arriero, M.A., Ponce, G. and Avila, C.: Varieties of impulsivity in males with alcohol dependence: the role of cluster-B personality disorder. Alcohol Clin Exp Res 31: 1826–1832, 2007.
37. Tragemer, S.L., Sher, K.J., Trull, T.J. and Park, A.: Personality disorder symptoms, drinking motives and alcohol use and consequences: cross-sectional and prospective mediation. Exp Clin Psychopharmacol 15(3): 282–292, 2007.
38. Turiano, N.A., Whiteman, S.D., Hampson, S.E., Roberts, B.W., Mroczek, D.K., 2012. Personality and substance use in midlife: conscientiousness as a moderator and the effects of trait change. J. Res. Pers. 46, 295–305.
39. World Health Organization. News bulletin. August 2018. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/alcohol>
40. Zernicke, K.A., Cantrell, H., Finn, P.R. and Lucas, J.: The association between earlier age of first drink, disinhibited personality, and externalizing psychopathology in young adults. Addict Behav 35: 414–418, 2010.

© Петросьян Светлана Николаевна (svpet@mail.ru),

Макаревская Ирина Георгиевна (athos@yandex.ru), Рябикина Зинаида Ивановна (z.ryabikina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»